

ПРОЛОГ

Может ли мужчина допустить, чтоб семья жила в нищете? Художник Байгазин дал на этот вопрос отрицательный ответ и в лихие девяностые надел хомут предпринимателя. Салават Байгазин – потомок Салавата Юлаева, соратника Емельяна Пугачева.

Ближе к разгрому пугачевского восстания жён и детей великого батыра арестовали... Испугавшись, что род Салавата может оборваться, старейшины решились на тулалу – обряд получения от батыра потомства. Выбрав из племён самую прекрасную девушку по имени Тансылу, по прочтении никаха¹ выдали за батыра. Дабы продолжился род Салавата и рождались новые герои...

Разумеется, свершившийся тулалу хранили в большой тайне. Тансылу жила в дальней летовке. В августе 1775 года она родила мальчика. Вскоре, старейшины придумали легенду: якобы люльку с младенцем, висевшую на разлапистой ветке дерева, Тансылу нашла случайно и принесла в аул... В знак того, что ребёнок дан им Аллахом, нарекли малыша именем Аллабирды. Желая подчеркнуть, что дитя – большой дар племени от Создателя – записали на фамилию Надилов.

Прошли годы. Аллабирды превратился в статного, храброго и умного джигита, женился. В военных походах дослужился до звания есаула. Семеро его сыновей от двух жён тоже стали казачьими офицерами. Самое главное – он продолжил род Салават-батыра. Сыновья, внуки и правнуки Аллабирды также не запятнали светлое имя батыра: участвовали во всех выпавших на их поколение войнах, возвращались с орденами-медалями в форме крестов.

За отвагу, проявленную в Великой Отечественной войне, трижды удостоился Ордена Славы Аллабирдин Минлибай.

Салават Байгазин – потомок Салават-батыра по материнской линии. И ему пришлось повоевать. Вернулся из Афганистана после тяжёлого ранения с орденом Красной Звезды на груди.

Печатается в журнальном варианте. На башкирском языке роман выходил в журнале «Агидель» в 2014-15 гг.

¹ Мусульманский обряд бракосочетания.

Но Байгазину ещё неизвестно, что он из рода Салавата Юлаева...

Потомки Аллабирды передавали из поколения в поколение знание о происхождении рода избранному джигиту как свято оберегаемую тайну. Но случилось непредвиденное: очередной лучший представитель рода, обязанный сообщить сокровенный завет следующему, внезапно скончался, оставив аманат неисполненным...

...Салават Байгазин не успел стать художником в полном смысле этого слова... Хотя в годы учёбы на худграфе университета, куда он поступил после Афгана, преподаватели возлагали на него серьёзные надежды, предрекали судьбу большого художника... И в самом деле, Салават отлично начал творческий путь: много писал, организовал несколько персональных выставок, был принят в Союз художников. Но на пути становления в качестве истинного художника возникла неожиданная преграда: верхом на огромном золотом быке, изрыгающим из ноздрей клубы алого огня и поднимающим из-под копыт тучи жёлтой, удушливой пыли, в страну ураганом ворвался его величество дикий капитализм и с громоподобным грохотом перевернул всё вверх дном. Забросив мольберт и краски, Байгазин ринулся вслед за стремглав пронёсшимся золотым тельцом.

Вот тогда он и надел хомут предпринимателя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Богатство – понятие относительное. У каждого народа собственное отношение к мамоне. Если же «взвешивать» нашим безменом², Салават Байгазин входит в число богатых, на худой конец, состоятельных: имеет элитную квартиру, дачу, два небольших магазина и японскую машину. Как бы то ни было, имущество Салавата с каждым годом увеличивается. Он достаточно поднаторел на коммерческой стезе, куда ступил несколько лет назад.

Немало перед предпринимателем препятствий, хватает и заманчивых ловушек. Пожалуй, самые опасные из них – женщины и спиртное. Как правило, эти две беды ходят рука об руку. Ведь, кроме умения зашибать деньги, нужно еще уметь этой деньгой правильно распорядиться...

Манящий звон монет в кармане бизнесмена непостижимым образом становится слышен прекрасному полу... И на дельца начинается охота: соблазнительницы строят глазки, напропалую кокетничают. Редко кто может отказаться от красоты, падающей прямо в объятия...

Вот и Салават не смог увернуться от таких обольстительниц, слишком увлекся ими. Вначале, потеряв голову от прелестниц, кружил от одного цветка к другому, словно ошалевший шмель. А потом встретил такую красавицу! И просто растаял в её жарких объятиях.

Зульфия была моложе на двадцать лет. А Салавату – тридцать девять. Верно говорят, для полноты ума всего одной извилины в мозгу не хватает...

Байгазин как бы в шутку пригласил Зульфию на свидание, а она возьми да согласись! И вправду хороша Зульфия: изогнутые брови будто крылья чёрного лебедя, взлетающего с тёмного омута её больших глаз. Длинные ресницы, точёный нос, пухлые сочные губы и большая грудь, вздымающаяся при каждом вдохе. Закружилась тридцатидевятилетняя головешка Салавата. Да и как ей не закружиться от столь страстной кипчакской девушки. Понеслась романтика, восхождения рука об руку на вершину Девичьей горы, Торатау и Юрактау... После почти ежедневных

² Безмён (от тюрк. batman – старинная мера веса) – простейшие рычажные весы.

встреч с Зульфией он уподобился опьяневшему от любовного напитка Меджуну³ – становился всё безрассуднее, пока вконец не потерял голову.

Всё же порой он вспоминает жену, и сердце внезапно холодеет. Чувство огромной вины перед ней гложет душу Салавата как ненасытная рысь. Шила в мешке не утаишь, если вдруг всё раскроется, переживёт ли горе супруга?.. А что скажут дети: сын и две дочери?..

* * *

А сегодня Салават чувствует себя самым счастливым человеком, взмывшим душою на седьмое небо. Они стоят на вершине Торатау, обнявшись с любимой.

– Видишь, моя Зульфия, мы сейчас на такой высоте! Отсюда всё вокруг видно как на ладони. Хочешь, во-о-он ту гору... перенесу на другое место и назову твоим именем?!

Зульфия счастливо улыбается, а Салават распяляется ещё сильнее:

– Хочешь, завуюю всё, что взглядом окину, и положу к твоим ногам?!

– Мне нужен только ты... – она теснее прижимается к нему.

– Я тебя так люблю!

– Я тоже. Никого не любила так...

– Зульфия, если Лилия согласится, возьму тебя второй женой.

– Согласится твоя старая карга, как же, жди... – обрывает Зульфия, поморщившись. – Айда спустимся, мне здесь нехорошо, холодно...

– Холодно? Разве мои объятия не греют тебя?

– Греют. Ну, пойдём вниз!

– На этой священной горе так хорошо! Видишь, какие красивые лучи играют в воздухе?

– Нет, – Зульфия внимательно оглядывается вокруг. – Давай спустимся.

* * *

Выезды на природу, кутежи в кафе и ресторанах продолжались. Салават ощущал в себе неисчерпаемые силы, небывалый душевный подъём. Зульфия, казалось, вернула его в прекрасную страну молодости. Напрочь исчезла щемящая душу грусть, мучившая в последние годы от осознания прошедшей молодости. Теперь, наоборот, с лица не сходила глуповатая, но счастливая улыбка. Он ведь ещё огого! Всего-то тридцать девять. Что эти года для мужчины?! Сердцем-то он молод! Салават становился взбалмошнее день ото дня, объятый пламенем, как думал, последней любви. Неистовствовал от ощущения счастья. Вернее, тщетно пытался хоть на время удержать тень, фантом молодости, уже ушедшей за горизонт...

* * *

Конечно, Лилия быстро смекнула в чём дело. По этой причине в доме часто вспыхивали скандалы. Вот и сегодня, не сводя взгляд с мужа, учинила допрос:

– Скажи правду, ведь гуляешь?

– Не говори ерунды...

³ Меджун и Лейла – герой и героиня популярнейшей на Востоке легенды о возлюбленных.

Жена, словно следователь-чекист, продолжала:

– Меня не обманешь! Лучше сам признайся: с кем таскаешься? Всё равно узнаю!

– Ни с кем не гуляю! – Салават стоял на своём, будто верный партизан, поваливший в когти врага.

Жена уставилась на него словно удав, помышляющий проглотить зачарованную взглядом жертву:

– Говори правду, с кем распутничаешь? – Глаза Лилии злобно заблестели. Жена знает силу своего взгляда. В деревне, откуда она была родом, рассказывали, что еще в детстве стоило ей восхититься телёнком со словами: «Какой красивый!», как бедное животное тут же начинало болеть неизвестной болезнью и в конце концов околевало. Салават почувствовал себя неуютно, но виду не подал:

– Не морочь голову! Когда мне с бабами водиться, день и ночь на работе! – И вправду, хоть и пребывал Байгазин в любовном угаре, о делах не забывал.

Жена начала горячиться: ресницы и толстые губы задрожали, смуглое лицо болезненно исказилось. Резким движением открыв шкаф, лихорадочно ощупала одежду мужа, вывернула карманы, даже принюхалась. Наконец, откуда-то вытянула волосок и пронзительно взвизгнула:

– Ага, волос любовницы! Бесстыжий! Наглец! Племенной бык! Продажная шкура! Уходи к своей потаскушке! Насовсем уходи!

Довольно красивая Лилия в эти минуты стала просто отвратительной: лицо страшно перекосилось, рот скривился, злобно сверкавшие глаза едва не выкатывались из орбит. По привычке направила на мужа указательный палец правой руки, будто дуло пистолета, и от всей души влепила в него ядовитые слова-пули:

– Племенной бык! Предатель! Сволочь! – Вдруг вытащила из-под воротника пиджака какую-то иголку. – Видишь, любовница тебя околдовала! Сделала приворот! Потому и неймётся тебе! Думаешь, любовь? Не-а, это всего лишь приворот... Говори правду, с кем?!

– Да ни с кем я не гуляю, прекрати истерику! – Салават попытался приструнить жену. Как говорится, начнёт корова брыкаться – пострашней коня становится. Лилия стремительно побежала на кухню и принялась крушить посуду. Тарелки и чашки со звоном разбивались об пол, несколько штук пролетели прямо над головой мужа. Да, выпльчивая досталась жена... Видно, небесной канцелярией отписаны ему именно такие женщины. И по знаку зодиака всегда попадались одни звери и хищницы: то лев, то змея, либо дракон, иль скорпион... А ведь сам всю жизнь искал нежно воркующую голубку.

– Бык! Развратник! Проститут!

Скандал длился довольно долго. И терпение Салавата лопнуло: достал из холодильника водку, налил стакан до краёв и залпом выпил. Жена прикусила язык. Махом допив остаток бутылки, вызвал водителя.

Когда сел в машину, шофёр задал короткий вопрос:

– Куда везти?

– К Зульфийи, а потом – в ресторан!

Целая бутылка водки, только что опустошённая в одиночку, нисколько не ударила в голову.

Зульфийа не заставила ждать, бабочкой выпорхнула на зов. На ней – подаренные Салаватом украшения и дорогое вечернее платье, лицо светилось радостной улыбкой.

– Я чувствовала, что приедешь, ждала тебя!..

Поехали в ресторан.

Зал был почти полон по причине профессионального праздника – дня работников торговли. Салават заказал хороший коньяк, вино для Зульфии, антрекоты, салат и минералку.

– Почему без настроения, опять твоя пристаёт? – нарушила тишину Зульфия, когда официантка отошла, расставив на стол напитки в графинах и еду. При слове «твоя» перед глазами Салавата предстало перекошенное от злости лицо жены. Не ответив, он поднял рюмку:

– За нашу любовь!

Тост пришёлся Зульфии по душе:

– За нашу любовь – до дна!

Выпив ещё по несколько рюмок, они начали танцевать под медленную мелодию. Зульфия тесно прижалась к нему. Обдавая жарким дыханием, страстно зашептала:

– Я люблю тебя! Ты для меня – самый близкий человек! Я не могу без тебя! И не хочу... Любимый мой... Скорей бы нам быть вместе...

– Я тоже тебя люблю, только помни: у меня трое детей... их никогда не брошу. Поступлю по мусульманским канонам: даст Лилия согласие – возьму тебя второй женой...

– Опять ты о ней!.. – Красивое лицо Зульфии погрузнело. Но она быстро овладела собой и снова заворковала: – Дорогой мой, никого я не любила до тебя. Как же я счастлива с тобой...

Наконец, выпитое ударило в голову. Ещё после двух-трёх рюмок Салават почувствовал себя совершенно счастливым. В объятиях – самая красивая и любимая! Что ещё нужно мужчине в расцвете сил? Пишут, мол, в Узбекистане, Таджикистане уже приняты законы о многожёнстве, глядишь, и до нас дойдёт эта лафа. Настанет долгожданное время, он будет жить-поживать с обеими жёнами. Предки вон не только с двумя, даже с тремя-четырьмя благоверными жили не тужили. А супруги даже не помышляли о скандалах. Лилия тоже никуда не денется, потихоньку привыкнет, смиритесь...

Салават купеческим жестом бросил музыкантам щедрые чаевые и заказал «Цыганочку». Торговцы – народ дружный. С первыми звуками задорной мелодии разгорячённые от выпитого люди пустились в пляс. Честно говоря, каждый кривлялся как умел. Зато от всей души. Салават не отставал от других, ему сегодня море по колено.

Некоторые, особенно женщины, с уважением и интересом посматривали на него. Дескать, видели кто заказал весёлую музыку... Зульфии по душе такое внимание, она в запале кружится вокруг Салавата. Похоже, под влиянием танца хмель ещё сильнее ударил в голову...

После того как разудалая «Цыганочка» смолкла, он решил не выпускать вожжи из рук. Пошатываясь, подошел к микрофону и объявил:

– Уважаемые дамы и господа! Перед вами – моя любимая младшая жена Зульфия. Вот она! – он обнял Зульфию. Разгорячённая публика, которой довольно прибавилось, дружно захлопала. Одна женщина, не сдержавшись, задала вопрос:

– Говорите, младшая жена, значит, есть и старшая?

– Да, у меня есть и старшая жена!

Люди зашумели. А Салават продолжил:

– Уважаемая публика! Позвольте в честь моей младшей жены, дорогой Зульфии, исполнить песню!

С любовью глядя в чёрные как ночь глаза Зульфии, Салават затыкнул:

*Очи чёрные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас, как боюсь я вас,
Видно, встретил вас я в недобрый час...*

Взявшись за руки с Зульфией, он с чувством допел и обнял её. Празднующие дружно зааплодировали:

– На бис! На бис!
– Пой ещё!

Салават не заставил долго уговаривать, запел любимую:

*Клён ты мой опавший, клён заледенелый
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.*

Знаменитый романс публике пришёлся по душе, многие вдохновенно подпевали. Салават вновь взял слово:

– Мою младшую жену зовут Зульфия! Посвящаю ей башкирскую песню «Зульфия». – Не дожидаясь одобрения слушателей, запел:

*То любовью своей, то холодностью
Не терзай мне душу, Зульфия.
Коль обижусь, больше не приду,
Будешь сожалеть, Зульфия.
Зульфия, Зульфия,
Сердце любит лишь тебя...*

Салават пел с огромным воодушевлением:

Увяли сорванные мной цветы...

Под рукоплескания и одобрительные возгласы прошли к столу. Зульфии понравилось всеобщее внимание, она довольно улыбалась.

Поздней ночью поехали на квартиру, снятую Салаватом для любимой. Он продолжал заливаться и в такси:

*Зульфия, Зульфия,
Сердце любит лишь тебя...*

* * *

Отношения с Зульфией не всегда безоблачны. То ли из-за скверного нрава, то ли с расчётом, она частенько нагнетала напряженность между ними. Вот и сегодня, во время так прекрасно начавшегося очередного свидания, вдруг обронила:

– Я у Карима денег одолжила...

Салават тут же вскинулся:

– Что ещё за Карим? Почему берёшь займы у чужого мужчины?!

– Срочно понадобились деньги...

– Как ты можешь просить деньги у какого-то мужика? А меня за кого считаешь?!

Зульфия обидчиво надула губки:

– Он хороший парень, шакирд⁴, учится на муллу. Шоколадку мне принёс, обещал научить намазу...

Салават чуть не лопнул от злости:

– Ах, мулла! Я ему покажу! Сейчас поймаю и проучу как следует!

Салават почти бегом добрался до машины и скомандовал шофёру:

– В медресе возле мечети!

Вызвав шакирда, втолкнул его на заднее сиденье и грозно заорал: – К моей жене пристаёшь?!

Парень сразу сник под тяжёлым, полным ненависти взглядом Салавата. Запинаясь, пытался оправдаться:

– Вы что, абзый⁵... Я и не думал приставать к Зульфии. Вы меня неправильно поняли...

– А зачем шоколадку дал?!

– А-а, просто так, абзый, ничего греховного не замышлял. Я т-только хотел ее... научить намазу...

Эти слова взбесили Салавата, он схватил парня за ворот и стал с остервенением трясти:

– Я тебя научу намазу! Так проучу, век не забудешь! Слушай внимательно: Зульфия – моя младшая жена, и я тебе категорически запрещаю приближаться к ней, понял?

Парня как ветром сдуло.

Зульфии дикая выходка Салавата понравилась. Он же день ото дня становился всё безудержнее. Приноровился каждый вечер, под предлогом прогулки, наведываться на квартиру к возлюбленной для проверки.

Однажды почувял – Зульфия что-то замышляет. Решил: поздней ночью обязательно проконтролирует...

Но, не дождавшись ночи, взял из набора большой нож, задумчиво повертел и повесил на место. Вскоре вышел из дома с огромной отвёрткой во внутреннем кармане пальто. Сел в машину. Водитель – надёжный парень, прошедший Чечню, почувствовал неладное, но молча погнал автомобиль.

Доехали с ветерком. Салават вошёл в подъезд, поднялся на четвёртый этаж... Зульфия стояла на лестничной площадке с какой-то девушкой. Обе навеселе. Она тут же бросилась к нему и попыталась обнять.

– Хитришь? Пытаешься в квартиру не пустить? Уйди! – грубо оттолкнув любимую, с разъярённым видом влетел в квартиру. А там – два парня лет двадцати пяти. Не помня себя, Салават заорал: – Зарежу, сволочи! – вытащил из кармана отвёртку и замахнулся на соперников. – Кто из вас с Зульфиёй, признавайтесь!

Парни оказались пугливыми как зайцы. Вскочили с дивана и, ловко увернувшись от Салавата, ринулись к двери. Он успел пнуть одного под зад. Салават заорал на весь подъезд:

– Держи их! Хватай! Не пускай!

Но водитель и не подумал следовать указанию шефа, молча посторонился, пропустив парней... А сам испытующе поглядел на начальника.

Салават не стал возвращаться домой. Зульфия подарила ему восхитительную ночь. Он шептал:

⁴ Шакирд – студент медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения.

⁵ Уважительное обращение к старшему мужчине.

– Зульфия, я и не знал, что ты можешь так услаждать меня!

– Губы мои, всё тело, будто сами всё знают... Просто, я так сильно люблю тебя и никому не отдам. Рано или поздно будешь только моим... – Ласковые руки Зульфии продолжали поглаживать Салавата, горячие губы беспрестанно осыпали поцелуями.

Увы, коротка девичья память: той прекрасной ночью они не могли насытиться друг другом, а на следующее свидание Зульфия не пришла. Опалённый огнём страсти, Салават искал её по всему городу: всюду ему мерещилась Зульфия.

– Вот она! Зульфия! Подъезжай поближе! – командует шоферу, а остановившись подле изумлённой девушки, бормочет: – Не она...

Через несколько минут снова вопит:

– Нашёл! Зульфия! – и опять ошибается. Шофёр удивлённо посматривает на шефа...

Снова поехали на квартиру. Но Зульфии не было. Салават, словно замороженный, нетвёрдой походкой подошёл к шкафу, достал сорочку, бюстгальтер ненаглядной, прижал к лицу и с наслаждением стал вдыхать запах возлюбленной. Перед глазами так явственно встала Зульфия, что голова закружилась. В это мгновение он напоминал Меджнуна, прижавшего к груди Лейлу...

А со следующего утра Зульфия сама начала преследовать Салавата: непрерывно звонила по телефону. Всерьёз оскорбившись за вчерашнее, он разговаривал с ней нарочито неохотно, даже грубо. Сославшись на занятость, раз за разом бросал трубку. Зульфия звонила вновь и требовала немедленной встречи. Салават опять швырял трубку. Зульфия не отступала:

– Дорогой мой, пожалуйста, дослушай! Я же люблю тебя! А вчера просто не могла с тобой встретиться, прости, причину объясню позже. Я так по тебе соскучилась, приезжай обедать, жду тебя...

После некоторой паузы Салават проговорил:

– Посмотрим, если будет время...

– Уф, я жду тебя! – взмолилась Зульфия.

Салават промолчал. Положив трубку, крепко задумался. Как же понять этих женщин? Не родился ли ещё на свет мужчина, способный разгадать их тайну! Хоть и сотворена из ребра Адамова праматерь Ева, женщины – совсем другие существа... Отчего же они вначале заставляют мужчин гореть в огне страсти, а потом окатывают ледяным холодом? Затем снова бросают в самое пекло... С ними сложно, но и без них невозможно.

И почему он любит женщин так безоглядно? Они очаровали Салавата ещё сизмальства. Помнит как вчера: стоял погожий летний день. С матерью шли по деревенской улице. И вдруг со скрипом отворилась калитка небольшого домика и появилась девушка невиданной красоты. Семилетнему Салавату показалось, будто само солнце снизошло с небес. Голубое платье облегло её стройный стан, волосы цвета лепестков подсолнуха ниспадали на округлые плечи, губы застыли в полуулыбке, глаза синие-синие, словно безоблачное небо, лучились волшебным светом и озарили душу Салавата. Тогда он остолбенел, впервые увидев ослепительную красавицу, наверное, дочь джиннов, каким-то чудом появившуюся из бабушкиных сказок и воплотившуюся в образе земной женщины. Салават во все глаза, восторженно смотрел на девушку и ждал: вот содрогнутся величественные скалы за рекой и упадут к её ногам...

Послышался оглушительный грохот. Взрывали высокую гору Шахтау, крошили камни для завода. Салават даже не вздрогнул от грохота. Взрывали каждый день,

и все уже привыкли. Он только очнулся от зачарованности, но не хотел отвести взгляд от прекрасной девушки. Мать насилила увела его...

А во втором классе подвудил он Земфиру. Написал записку с признанием, но не отдал, а, спрятав в коробочку из-под патефонных игл, зарыл в цветочный горшок.

В пятнадцать лет начал ухаживать за Земфирой. Но счастье продлилось недолго – всего год. Узнав, как он тоскует по светловолосой, мать попыталась объяснить, что нельзя любить девушек так сильно. Иначе они возгордятся и отвернутся от тебя. Увы, Салават не умел любить вполсилы. Если уж полюбил – готов был вырвать сердце из груди и отдать любимой.

Салават до сих пор бережно хранит в душе воспоминания о незабвенной первой любви. Изредка достаёт из укромного места и подолгу разглядывает дорогие сердцу реликвии: зелёную варежку Земфиры и её пожелтевшие письма. А фотокарточек девушки с волосами цвета лепестков подсолнуха уже нет, их порвала жена.

Несмотря на вчерашнюю обиду, Салават как на крыльях помчался к любимой. Зульфия встретила с распростёртыми объятьями и жаркими поцелуями. Ласково усадив за стол, стала настойчиво потчевать:

– Кушай, любимый мой, кушай! – Она не сводила с него нежного взгляда.

– Спасибо, шурпа очень вкусная!

От похвалы Зульфия просто засияла:

Эх, жизнь... Сколько раз Салават, лаская шершавыми ладонями нежные щёчки Зульфийи, признавался ей в любви. Но он вовсе не собирается бросать жену. И дело не только в детях. Лилию он тоже любил. Когда поженились, Салавату было двадцать два, Лилии – всего двадцать. Он до сих пор скучает по той поре. Только вот, полыхающая вначале красным огнём взаимная любовь через пару лет приняла цвет спелой вишни, затем – тона алого рассвета, позже – оттенки бледно-розового фламинго, а в последние годы напоминала увядшую и почерневшую розу.

Отчего любовь между мужчиной и женщиной не остаётся навсегда яркой, как пламя, или хотя бы нежной, как розовая заря? Меркнут и тускнеют со временем краски любви. Не по этой ли причине некогда обожавшие друг друга супруги начинают поглядывать на сторону?

Жизнь без любви – медленное тление. А связь с Зульфией – прелюбодение. Почему же Всевышний запретил безбрачную любовь так жёстко, поставил в один ряд со смертными грехами и даже с убийством? Салават пока не может понять... Что же делать? Как избавиться от тяжкого греха? Может быть, им заключить никах? Для этого нужно согласие Лилии. Но она никогда не даст благословения. Провести обряд тайком? Тоже, говорят, непозволительно...

Совсем ещё недавно, до встречи с Зульфией, Салават не слишком заморачивался по такому поводу. Выпадет случай – иногда пользовался возможностью. Ведь большинство мужчин привыкли относиться к подобному просто. В любой мужской компании на трезвую голову говорят о политике, после двух-трёх рюмок водочки – о рыбной ловле и охоте, а тяпнут ещё – начинают напропалую хвастаться завоёванными женщинами.

Так уж сложилось: шалости мужчин на стороне воспринимались обществом почти как удалство, а измены женщин считались низостью и позором.

Теперь уже женщины бахвалятся мужчинами.

Салават в молодости вовсе не был ловеласом. Хоть и трепетно относился к женщинам, совесть его всегда держала в узде похоть. В юности любил Земфиру чисто платонически. В первые годы после женитьбы сохранял верность жене. Как же он умудрился под сороковник пуститься во все тяжкие?

– О чем задумался, дорогой мой? – отвлекла Салавата от тяжелых мыслей ласкаясь возлюбленная.

Сегодня Зульфия снова подарила Салавату ласки, сводящие с ума. И вновь настал тот сладкий миг, когда их сплетённые тела, став единым целым, преодолели силу земного притяжения и воспарили ввысь.

После свидания с желанной Салават неохотно вернулся домой. Главу семьи никто не встретил. Прежде, когда он возвращался с работы, дочери, радостно щебеча как птички, подбегали и бросались в объятия. Бесперывные скандалы родителей отдалили детей от отца. Недавно обе дочки, десяти и двенадцати лет, заявили:

– Папа, раньше мы не любили маму, любили только тебя. А сейчас не любим, потому что путаешься с чужими женщинами.

Салават не знал, что и ответить. Слова девочек вонзились в сердце отравленной стрелой.

А пару дней назад семнадцатилетний сын сильно удивил, вдруг выпалив:

– Пап, я все знаю. Не осуждаю, что ходишь на сторону. Я тебя понимаю... – Его лицо выражало полное согласие.

Удивляет отца Рустам: не ладит с матерью. Салават не может понять причину, да и не до этого ему в последнее время...

В прошлом году классный руководитель сына, оставив Салавата после родительского собрания, рассказала про неприятный случай. На классном часу рассуждали на тему отцов и детей. Рустам послушал-послушал, затем неожиданно встал и всех ошарашил: «А вот я ненавижу мать, люблю только отца!»

За те слова сыну крепко досталось от отца. А Рустам молча глядел исподлобья, изредка недобро ухмылялся и даже не думал оправдываться. Не воздержан он на язык, весь в маму. И горячностью похож на нее. Плохо относится к женщинам. Как-то вскользь обронил, мол, все они продажные.

Салават на кухне пил чай. Вдруг влетела Лилия и бросила на стол какие-то иголки.

– Полюбуйся, нашла у порога...

Муж удивленно уставился на нее.

– Не понял, что ты этим хочешь сказать?

– Конечно, не поймешь, где уж тебе... – Она резко повысила голос. – Не понимаешь, так разъярню: околдовала нас твоя любовница! Нам четверым подбросила четыре иголки! Сделала на смерть!..

– Нас же пятеро, – успел вставить Салават.

– Зачем ей тебя убирать? Этой змеюке пока ты нужен, а мы ей помеха! – Лилия металась по большой кухне, глаза ее зловеще поблескивали. В такие минуты она становится похожей на темпераментных мексиканок из кинофильмов. – План ее таков: сперва с помощью магии убьёт меня, затем займет мое место и изведет наших детей...

Салават поперхнулся чаем:

– Уймись, что за бред ты несешь?!

– Пойми, наконец, скоро и ты не будешь нужен этой шлюхе! Вот приберет к рукам нашу элитную квартиру, дачу, магазины, потом и тебя устранил колдовством! Даже не можешь осознать, что только из-за приворота бегаешь за ней как кобель за течной сукой...

– Что ты городишь? Какое колдовство?! Глупыми сказками мне голову морочишь! – вышел из себя Салават.

Жена вынула из кармана халата бумажные обрывки:

– По-твоему, это тоже сказки? Вот, наклеили на двери всех подъездов нашего дома. Послушай, что пишут: сделаю приворот любимому, отворот постылому, недорого... – Она бросила бумажку на стол и стала читать следующую: – Наведу порчу на ваших врагов, уберу насланную на вас. Предсказываю, результат гарантирован. Профессиональная колдунья в седьмом поколении. – Лилия ткнула дрожанием от злости пальцем на стопку газет. – Тут тоже полным-полно объявлений с предложениями таких услуг. Зайди в любой книжный магазин, загляни в газетный киоск – везде продаются брошюры о черной, красной и даже белой магии... Весь мир заполнили ворожеи и колдуны, а ты не видишь...

– Да это же старушечьи сказки!

– Приворотом тебе мозги отшибли, а ты все ещё не веришь, дуралей?

– Сама ты дура! Приворот, колдовство всякое... У тебя крыша съехала! – выкрикнул Салават и схватился за живот – резко закололо с обоих боков. Спусти несколько минут боль обострилась.

– Где болит? – спросила Лилия, внимательно наблюдая за мужем.

– Ох-х, вот тут, – Салават приложил ладони к животу.

– Значит, почки! – заявила жена, радостно улыбаясь. – Говори правду: где сегодня обедал?

– Ох-х, в кафе, – выдавил Салават сквозь зубы. – Домой уже и не тянет, каждый день скандалишь без причины, ох-х...

– Не ври, ты не в кафе был! Значит, эта подстилка напоила каким-то зельем – вот и болят почки!

– Ох-х, нет... в кафе, ох-х, – стонал бедный муж.

– Раз не умеешь, не обманывай: любая твоя ложь и слепому видна...

– Сказал же, ох-х...

– Поклянись хлебом, что не обедал у любовницы! – Жена всучила ему сухарик и грозно уставилась в глаза.

– Уйди отсюда, ты доконаешь меня глупыми допросами, ых-х...

– Не я, а путанка твоя доведет тебя до ручки! – Лилия быстро достала откуда-то тоненькую брошюру, нашла нужное место. – Вот, слушай что тут написано: передозировка приворотного зелья вызывает почечные колики. Понял теперь, из-за чего заболел?

– Уйди, не болтай, ох-х... – Салават со стоном метался по квартире.

– Выкладывай, с кем путаешься? Я эту суку все равно найду и глаза выцарапаю! Не выдержав жуткой боли, Салават в сердцах закричал:

– Да ты палач! Настоящий палач! Видишь, в каком я состоянии, а продолжаешь мучить бредовыми допросами! Ох-х, не могу...

Будто того и ждала, Лилия завопила дурным голосом:

– А моих мучений не замечаешь? Я уже почернела от горя! Из-за этой напасти света белого не вижу! Раз нет согласия в доме, ничто не радует... – Лилия громко завывала, по обыкновению, без слез. – У-у, подлая душа! Бык племенной! Кобель ненасытный! Предатель! Проститут! Спишь и видишь, как меня добить и молодую взять! Вот умру – узнаешь мне цену!.. Будешь в ясный день со свечой искать – а меня не бу-у-удет!..

Боль стала нестерпимой: будто в почки беспрерывно втыкали иглы. Да и скандал вконец вывел из себя. Салават взревел раненым зверем:

– Хватит! Достала уже! Мне обрыдли твои разборки! – Не умирать же, в самом деле. Он схватил телефонную трубку, вызвал скорую помощь.

Салавата продержали в больнице несколько дней, однако причину колик так и не выяснили. И он всерьез задумался. Десятки раз прокрутив в голове слова жены о привороте, засомневался: может быть, Лилия права?.. Попробовал отогнать нехорошую мысль: мол, откуда столь юной Зульфий ведать про ворожбу... Но вспомнил про навязчивые объявления, наклеенные всюду, рекламные листовки, брошюры, книги. Конечно же, Зульфия не могла не видеть так и лезущую в глаза рекламу. Вдруг позвонит по телефону и пойдет к колдунье... Она же безбашенная.

Было дело, Салават нанял двух преподавателей, кандидатов наук, для подготовки Зульфий к поступлению в институт. Дескать, пусть времени зря не теряет, получит образование. И что она выкинула на экзамене? Написала такое сочинение об Онегине и Татьяне... Мол, как Татьяна – Онегина, Зульфия безумно любит Салавата и рано или поздно он будет принадлежать только ей...

Салават решил поговорить с Зульфией начистоту. Глядя прямо в глаза, спросил: – Признайся честно: это ты напоила меня приворотным зельем? – странно, но неожиданный и несколько чудной вопрос не вызвал никакой реакции. Зульфия не удивилась, не рассердилась, не обиделась, даже ухом не повела. Лишь ограничилась кратким «нет». Салават продолжил:

– В больницу я попал после того, как пообедал у тебя. А почечные колики обычно бывают, если переборщить с приворотом. Скажи правду, ты подсыпала мне в пищу зелье?

– Нет.

Салават всерьез разозлился. Он совсем иначе представлял себе объяснение в столь серьезном вопросе: Зульфия будет горько плакать и каяться. Мол, только из-за любви к нему она совершила такое дело. Салават прижмет ее к груди, утешит... А потом с помощью щедрой милостыни и благих деяний избавятся от тяжкого греха... Если б хоть отвечала по-человечески. А то заладила как робот, «нет» да «нет».

– Ну, если «нет», повторяй за мной: валлахи-билляхи, клянусь – не делала тебе никакого приворота, ну же!

Зульфия сидела будто воды в рот набрав.

– Почему молчишь? Язык проглотила? Давай же, повторяй за мной!

Как ни старался, Салават не смог заставить Зульфию побожиться.

Домой вернулся как в воду опущенный. Почему-то Лилия сегодня не встретила руганью и проклятьями. Посидела рядом с унылым видом, помолчала, потом, тяжело вздохнув, тихо вымолвила:

– Умру я, наверное... Изведет меня твоя любовница. Когда помру, убереги детей от ее колдовства ...

– Сколько можно тебе твердить: нет у меня никакой любовницы!

– Не обма-а-анывай... – протянула Лилия и жалобным голосом повторила: – Умру, скоро...

Стиснув зубы, смолчал. Как же эта баба надоела, допекла, осточертела, опротивела!.. Уже восемнадцать лет выносит ему мозги суеверием... То ей сруб приснится, то во сне в бане помоеется, то покойник за собой поведет. Расскажет дурной сон и одно талдычит: умру, наверное. Всю душу его измотала дурными предчувствиями. Прежде он, веря ее словам, джоже сокрушался. А сейчас пообвык, особо не тревожится.

Хоть и часто хворала, Лилия в поликлиники не ходила. Пожалуетса, что болит голова, живот или сердце, свернется калачиком и лежит пластом.

Однажды мать Салавата Азнабика глядела-глядела на сноху и в сердцах выпала:

– Эх, невестушка, болеешь без конца, что ж нам с тобой делать?..

А он защищал:

– Мама, зачем же так?.. Лилия болеет!

Мать усмехнулась и засыпала вопросами:

– И чем же? Воспалением хитрости?.. А почему в больницу не идет?

– Не знаю. Разве не видишь, нездоровится ей!

– Вижу, очень хорошо вижу: здорова твоя женушка, просто хитрит, работать не хочет! – припечатала мать, известная прямолинейным, но незлопамятным нравом.

– Прекрати, мама, не обижай невестку понапрасну!

– Эх, сынок, уж слишком ты наивный! Как же жить-поживать, да добра наживать с такой хитрой и ленивой? Ума не приложу. Сядет тебе на шею, свесит ноги и будет всю жизнь вокруг пальца водить...

Родной брат Мансур, беспокоясь за сестренку, привез заговоренное ягодное варенье от знахаря. Велел принимать с чаем. Но Лилия не притронулась, побрезговала.

Из-за слабого здоровья Лилия нигде толком не работала. Недолго думая, Салават велел: сиди дома, вари пищу и занимайся детьми. А готовит она вкусно. И в рукоделии мастерица. За детьми ухаживала хорошо, только в детсады и кружки не водила. Если заболеют, и в больницу не обращается. Лечит сама какими-то травами.

С самого начала, бизнес оформил на жену, чтоб шел ей стаж. Попробовал возложить на нее бухгалтерию. Не тут-то было: Лилия за магазинами присматривала из рук вон плохо, предпочитая зорко следить за супругом.

Настоящая домашняя клуша, Лилия, курица-наседка. После рождения детей потеряла передние зубы. Салават несколько лет не мог заставить ее сходить в стоматологию. Пытаясь скрыть беззубость, на людях она так криво улыбалась, что выглядела жалкой и нелепой. А Салават готов был провалиться под землю от стыда.

– Не слышишь разве, говорю же, помру скоро... – прервала невеселые мысли мужа Лилия.

– Опять дурной сон приснился?..

– Нет, не во сне, а наяву смерть к себе зовет: увижу веревку – хочу повеситься, моюсь в ванной – тянет вены перерезать, выйду на улицу – так и хочется под машину броситься...

В душу Салавата закрались сомнения, он обеспокоенно взгляделся в вымотанную за последние дни жену:

Что делать?.. Слова Лилии всерьез встревожили Салавата. Если вдруг возьмет да помрет, как один с тремя детьми управится? Нет, он не желает Лилии смерти. Пусть и жена, и любовница будут живы-здоровы. Только каждая должна знать свое место и уживаться с другой. Они обе нужны и дороги Салавату.

Поломав голову, внезапно вспомнил: знакомый предприниматель хвастался, что приехала к нему из Узбекистана тетка-экстрасенс и так очистила энергетически, что семейный бизнес пошел как по маслу. Надо немедленно везти Лилию к этой знахарке. Если и вправду околдовали – во что бы то ни стало спасти.

Салават решил разом поймать двух зайцев: показать экстрасенсу обеих женщин.

На следующий день быстро отыскал экстрасенса, словоохотливую женщину лет пятидесяти по имени Фира. Объяснил ситуацию и привез в съемную квартиру.

Прищурившись, экстрасенс внимательно взгляделась в Зульфью:

– Так-так, здоровье у тебя отменное, состояние души тоже нормальное. Ну да, мучает тебя одна задумка, сама знаешь... – Она повернулась к Салавату. – По правде говоря, тут и смотреть нечего.

Салават заплатил экстрасенсу и повёз к себе домой. По пути попытался получить ответы на мучающие вопросы, но женщина ничего вразумительного не сказала, ограничилась общими словами. Лишь в конце разговора обронила:

– Будьте с ней осторожнее, она опасна...

Салават напрягся:

– В каком смысле?

– Старайтесь не злить, проклясть может... – Слова ведуньи растревожили Салавата. Если две бабы начнут проклинать с двух сторон – не пропадет ли он? Честно говоря, он уже давно понял, что оказался меж двух огней. Но сколько еще выдюжит сердце? Тяжкая, оказывается, доля – сгорать в пламени двух сердец...

Осмотрев Лилию, экстрасенс убежденно заявила:

– Ай-ай-ай, плохи дела, милая: на голове – черный-пречерный казан, руки твои связаны арканом с локоть толщиной, на ногах – белые тапочки...

Они оторопели. Слова знахарки, особенно про белые тапочки, ударили как обухом по голове.

– Как это понять, апай⁶? – с трудом выдавила из себя побледневшая Лилия.

– А очень просто: чтоб голова не работала, не получала энергию из космоса – надели на нее черный энергетический казан, чтоб ничего не могла предпринять – повязали руки толстым арканом. А смысл белых тапок и сама, небось, понимаешь... – экстрасенс вдруг заорала страшным голосом: – А видал я тебя в гробу, да в белых тапочках! Помните?.. Эти белые тапочки... уже надели на тебя, милая...

На краткий миг установилась давящая тишина. Наконец, Салават стряхнул с себя оцепенение и взмолился:

– Спасите, пожалуйста, мою жену, ничего не пожалею, хорошо заплачу...

Немного помолчав, экстрасенс дала согласие:

– Придется потрудиться, но постараюсь, – она зыркнула на Лилию. – Скажи спасибо мужу, кабы он не привел меня – скоро бы уже с жизнью распрощалась. – Экстрасенс привычно сощурилась и смерила ее взглядом. – Всего с месяц пожила бы...

– Очень прошу, спасите ее, Фира-апай! – Салават с нетерпением повторил просьбу.

– Сейчас... – экстрасенс вперилась в Лилию прищуренными глазами. – Чуешь, как обжигают тебе спину своей энергией?

– Ка-кажется, да, то жарко, то холодно, – едва выговорила Лилия дрожащим голосом.

– Убрала аркан, чувствуешь легкость в руках?

– Вроде бы, да...

– А сейчас скину с головы черный казан, это потруднее будет... Ого-го, не снимается, крепко насадили!.. Ничего-ничего, много повидала таких казанков! Я тебя хитростью возьму... – ворожея то щурилась, то зло тарщила глаза, беспрестанно размахивая руками. Наконец, торжествуя заорала: – О-о-о-о-о! Оп-па! Сбросила-таки! Полегчало голове?

– Да-а...

⁶ Обращение к старшей по возрасту женщине (башк.).

– А теперь, милая, надо содрать с ног твоих белые тапки. Уф-ф, устала я только...
Давай-ка, сядь поближе, вытрани ко мне ноги! Ы-ы-ы! Давай, помогай, мысленно
постарайся избавиться от проклятых белых тапочек! Давай, давай! Ну! Раз-два,
сняли! Еще раз: раз-два, сняли! Оп-па! Получилось-таки, сняли белые тапочки!
Все, получилось, милая, будешь жить...

Салават был удручен. Даже не знал: верить всему этому или нет? Но опасения
за Лилию сделали свое: когда грозит смерть матери твоих детей, с которой про-
жил восемнадцать лет, всему поверишь...

Сердечно поблагодарив экстрасенса, Салават вручил круглую сумму и велел
шоферу отвезти ее. Проводив, вздохнул с облегчением: слава Всевышнему, вы-
зволили жену из когтей смерти...

* * *

Спустя несколько дней Лилия огорошила мужа:

– Салават, я все знаю: была у ясновидящей, она подтвердила, что ходишь на-
лево. Сказала: муж твой умеет деньги делать, да только с чужими бабами путается.
Если хочешь, чтоб не гулял, принеси несколько его волос и три свечи. Сделаю как
надо – не будет распутничать...

С трудом взяв себя в руки, Салават процедил сквозь зубы:

– И что? Заколдовала меня твоя ведьма?..

– Нет, я не согласилась.

– И как ты смогла отказаться?..

– Побоялась...

– Где ты откопала эту провидицу?

– Магфура-апай отвела к ней.

На следующий день, спозаранку, Салават поехал в Уфу за товаром. Когда за-
грузился и собрался домой, позвонила Лилия и огорошила новостью:

– Только что звонила твоя любовница, рассказала, что давно путаетесь!..

– Опять ты за свое?! Ты прекратишь морочить мне голову разной белибердой
или нет?! – прервал жену Салават, вспомнив известное правило: лучшая защита
– это нападение.

– Не ори на меня, и не пытайся отвертеться! Твоя шлюха уже все выложила:
говорит, я Зульфия, младшая жена Салавата! Люблю его, и он только мой! Рано
или поздно, будем с ним вместе...

У Салавата отвисла челюсть. Да, Зульфия часто повторяла эти слова. Сомнений
не осталось, значит, она позвонила Лилии. Но зачем? С какой целью?..

– Чего притих, гуляка хренов, али язык проглотил? Я же говорила, все равно
дознаюсь, кто она!

Конечно, Салават не был настолько глуп, понимал: шила в мешке не утаишь,
и тайная их связь когда-либо все равно раскроется. Но то, что Зульфия сама же
их выдаст, не предвидел.

– Что молчишь, язык к нёбу прилип? – злорадствовала Лилия.

– Ты успокойся, никому не верь! Думаю, этот звонок – провокация...

– Какая еще провокация?.. – в голосе жены почудились нотки надежды.

– наших злопыхателей. Специально подговорили позвонить, чтобы нас рас-
сорить.

Салават возвратился с тяжелым сердцем. Предстояло невыносимо трудное
объяснение с женой. У нее от негодования просто лица не было:

– Уходи и не возвращайся! А если вернешься – пусть вынесут тебя вперед ногами! Пропади ты пропадом!

Проклятия жены навеяли Салавату нехорошие думы: «Сколько же дурных слов пришлось стерпеть от жены за восемнадцать лет! Тут он переключился мыслями на любовницу: «А какая же коварная оказалась Зульфия! Надо же, сама позвонила!»

Попутно зашел в магазин, купил водку, закуску. Хотелось хорошенько выпить и стряхнуть с себя тяжесть мыслей.

Зульфия, как нарочно, стояла возле офиса, поджидала. У Салавата в душе поднялась буря: ну, сейчас выдаст ей по первое число... Увидев Салавата, Зульфия радостно кинулась к нему, хотела обнять, но он оттолкнул ее:

– Уйди от меня! И даже не подходи! – Достав ключи, открыл дверь офиса и прошел в кабинет. Зульфия зашла вслед за ним и села напротив. На ее лице не было ни тени сожаления или чувства вины за содеянное, наоборот, во всем облике сквозило какое-то удовлетворение, упрямство и решимость.

Салават налил и залпом выпил рюмку водки. Закусывать не стал, злобно уставившись на Зульфию:

– Ну что, героиня, рада?!

Зульфия ответила довольной улыбкой.

– Ну-у, стерва, доиграешься у меня!

– Не я, твоя Лилия стерва!

– Не трожь ее! Что она тебе сделала? Тысячу раз говорил – не пытайся разрушить мою семью! Семья – это святое!

– А разве я... не член твоей семьи? Ты сколько раз называл меня своей младшей женой?

– Да, говорил: возьму тебя второй женой, если согласится Лилия. В этом вопросе нужно ее согласие – так велит шариат!

– Плевала я на согласие этой кикиморы! Чтоб твоя старая карга от злости лопнула! Пусть она подохнет!

Салават побагровел от гнева:

– Что ты сказала? Ах ты стерва! Если с Лилией что случится, кто моих детей вырастит?!

Он подскочил к ней и дал пощечину. Зульфия жалобно заплакала. В этот миг она показалась ему такой беззащитной маленькой девочкой, что сердце его сжалось от жалости и он обнял ее:

– Не плачь, моя маленькая...

– Сколько можно прятаться? Пусть все знают: я тебя люблю и никому не отдам! Не хочу, и не собираюсь делить тебя с Лилией! Ты должен быть моим! Понимаешь? Только моим!..

– А мне вы обе нужны! – возразил Салават, но его слова остались без ответа.

Когда вспыхнула красным огнем в сердце любовь и до самого этого момента Салават искренне верил: Лилия с Зульфией будут принадлежать ему одному. Пусть пока прячутся, но потихоньку Лилия свыкнется с существованием соперницы, перестанет ерепениться, со временем примет ее. Как-нибудь уживутся. Конечно, они будут жить на два дома. Жили же его предки до советской власти с двумя-тремя женами – и ничего. Бабушка говаривала, даже самые бедные мужчины норовили взять вторую жену...

В детстве Салават раскрыв рот и развесив уши слушал разговоры пришедших к ним на вечерние посиделки женщин и старух. Одна из былей крепко отпечаталась в памяти. У молодухи с двумя детьми помер муж, и по прошествии должного, согласно адату, срока, аульские мужчины собрались на совет для решения ее судь-

бы. Старейшина провозгласил: «Асмабика смолоду овдовела. Она не сможет без мужа вести хозяйство и растить детей. Согласно обычаям, кто-нибудь из нашего рода обязан жениться на ней. Почти у всех по две-три жены, только у Ишгали с Ташбулатом по одной. Постановим так: Асмабику возьмет Ишгали или Ташбулат. Кто именно – пусть решают сами».

Асмабике никак нельзя было оставаться без мужа – это грозило верной гибелью для ее детей. В те суровые времена народ кормился тяжелым трудом: пас скот, выращивал хлеб. Без мужских рук семья не могла выжить. О пенсиях, пособиях, рабочих местах люди даже не слыхивали, женщины занимались только домом и детьми. С целью заполучить кормильца, Асмабика пошла на хитрость. Встретив Ишгали, сказала: «Только ты мне по сердцу! Да вот, Ташбулат прохода не дает. Не получит, говорит, тебя Ишгали, сам женюсь... Загляни вечером, поговорим». Повторив те же слова Ташбулату, Асмабика раззадорила обоих мужчин. Вечером Ишгали, предвкушая приятное свидание и довольно хихикая, пошел к Асмабике. Но вместо жарких объятий молодой вдовушки получил увесистой дубинкой по голове. Это Ташбулат, поджидавший соперника за углом дома Асмабики, долбанул его сукмаром. Ишгали не помер, но остался глухим на всю жизнь.

Женщины, в большинстве своем коротавшие век в одиночестве в основном из-за войн, выпадавших на каждое поколение людей, послушав поучительную историю, тяжело вздохнули: «Эх, подружки, были же времена, когда баб без мужей не оставляли...»

Телефонный звонок вырвал Салавата из потока невеселых мыслей. Он сразу понял: конечно же, это Лилия. Аппарат трезвонил без остановки, но Салават не стал брать трубку.

Помирившиеся влюбленные через несколько часов собрались ехать в съемную квартиру. Странно, но шофера Ильнура до сих пор не было.

Стоило Салавату открыть входную дверь офиса – ворвались внутрь Лилия с двоюродной сестрой Науфилей. Чтобы не пропустить их, он раскинул руки, но те шустро прошмыгнули под ними и бросились к Зульфий. Она тоже не промах, успела закрыться в комнате напротив. Однако разъяренная Лилия в два пинка вышибла довольно крепкую дверь и, влетев в комнату, накинулась на соперницу. Салават хотел растащить их, но не успел, кто-то вдруг тяжело повис на нем сзади. Это был Ильнур...

– Ах ты, сволочь! Уже продал меня?! Пусти сейчас же, стукач, убью! – орал Салават благим матом. Только шурин и не слушался, а еще сильнее вцепился в него. Ильнур – парень здоровый, мускулистый.

Тем временем, между Лилией и Зульфией разгорелась настоящая битва. Зрелище было отвратительное: со смачной руганью они царапали, дубасили друг друга, затем с остервенением стали таскать за волосы. Салават заорал во все горло:

– Зульфий, держись! Бейся!

Нет, не может, уже с трудом держится на ногах Зульфий... Лилия намного напористее, свирепее, если собьет противницу с ног – затопчет, размажет...

Стремясь во что бы то ни стало спасти любовницу, Салават, отчаянно откинувшись назад, что есть сил ударил Ильнура головой. Шурин поневоле отпустил его. С разворота добавив шурина кулаком в лицо, кинулся разнимать своих женщин. Выдернув Зульфию, толкнул в сторону входа:

– Беги скорее...

На некоторое время наступила тишина. Наконец, Лилия негромко вымолвила:

– Пойдем домой...

– Иди сама!

- А ты куда, к любовнице?
- Нет, и к ней не пойду.
- А где будешь ночевать?
- В офисе.
- Брось, Салават, идём домой, устал, поди...
- Сама устала зверски. Навоевалась, злюка?
- Мужа отдать – как душу свою отдать. С чего я должна уступать тебя какой-то шалаве...
- Она не шалава!
- Не защищай ее, дуралей! До сих пор не понимаешь, как эта баба крутит-вертит тобой...
- Сама безмозглая!
- Ну, ладно, Салават, не будем спорить, пойдем домой.
- Сказал же, не пойду!
- Пойдем, я тебе пирог с гусятиной испекла, коньяку хорошего купила. Поешь пирога, выпьешь и ляжешь спать.

Вот чертовка, знает, с какой стороны закинуть удочку... Услышав про еду, Салават почувствовал, насколько проголодался. Две-три рюмки коньячку тоже пришлись бы кстати. Да и спать хочется. Ну и денек выдался...

После долгих уговоров, Салават решил вернуться. Жена сдержала слово, не стала его упрекать. Молча поели и легли спать. Муж лег отдельно.

Утром проснулся поздно и долго лежал, уставившись в потолок. Горло пересохло, а душа ныла от небывалой печали. Встал с постели, умылся, допил оставшийся с вечера коньяк. Тоска лишь усилилась. Достав из холодильника водку, налил в чашку. Тут вошла на кухню Лилия:

– Все пьешь?..

Салават не ответил, разговаривать с опостылевшей женой не хотелось. Перед глазами стояла Зульфия. Беспреданно думая о ней, затянул старинную народную песню «Сибай»:

*В зеленые сани, дуга с колокольчиком,
Запряги, Фатима моя, гнедую лошадь.
Если бы вернулся жить в свой край,
Добился бы я, Фатима моя, цели...*

Эту песню сложил человек, назначенный кантонным начальником в далекую от родной стороны провинцию. Он так кручинился по любимой жене, детям, дому, аулу, что родилась в душе бессмертная песня.

Всем сердцем пел Салават и представлял такую картину: его тоже отправили в чужие края. Вот он в санях-кошевке, запряженной парой резвых лошадей, звеня колокольчиками, сквозь снега и метели возвращается домой к любимой жене – к Зульфии...

*Здесь не земля, где соловьи поют,
Не широки ее долины и луга.
Не плачь же, Фатима моя, не плачь,
Здесь не земля, откуда бегом добежишь...*

Перед мысленным взором, ни на минуту не исчезая, стояла Зульфия. Нет, не плакал он, но из глаз катились слезы. И все тянул и тянул «Сибай».

Когда это продолжилось и на следующий день, Лилия не выдержала, подошла к мужу:

– Все распевашь да слезы льешь. По Зульфийи тоскуешь?

– Тебя это не касается. Я с тобой жить не буду, злая ты баба, – отозвался Салават.

Стремительно вскочив со стула, Лилия выбежала из кухни и через минуту влетела обратно, почему-то обутая в сапоги. В этот момент Салават наливал водку. Она взяла чашку и поставила на стол:

– И мне налей!

Он внимательно посмотрел на нее:

– Не выделяйся!

Вырвав из мужниных рук бутылку и налила себе:

– Выпьем за любовь!

Когда Салават допил, Лилия резким движением выплеснула водку ему в глаза.

– На тебе, гуляка!

Салават ахнул и от нестерпимой рези в глазах скатился со стула на пол. Лилия с остервенением начала его пинать. Вот, оказывается, для чего она надела остроносые сапоги...

– На тебе, получай! – Лилия старалась попасть ему в пах. – Я тебя к ней подобру-поздорову не отпущу! Сделаю из тебя непригодного мерина! Вот тебе, вот тебе!

Как ни целилась Лилия, в желаемое место не попала. Когда в глазах немного прояснилось, Салават рывком вскочил и ударил ее ладонью по лицу. Получив ещё одну оплеуху, жена громко заплакала.

– Вот и открыла свое истинное лицо! Ну ты и стерва! Больше ни минуты с тобой не останусь – талак! Талак! Талак!⁷ – Салават даже протрезвел от негодования. Хотел взять ключи от сейфа, не нашел. Оказалось, жена успела их спрятать.

– Где ключи от сейфа?!

– Зачем они тебе?

– Деньги заберу!

– На свою содержанку хочешь истратить?

– Какое твое дело? Ключи на стол!

– Зачем тебе деньги?

– А на что я должен жить?

– Пусть любовница кормит!

– Отдай по-хорошему! Эти деньги заработал я!

Лилия швырнула ключи:

– На, подавись! Пропади ты пропадом со своей проституткой!

Открыв сейф, Салават взял пачку стодолларовых купюр и быстро оделся. Дернул входную дверь, но тут послышался отчаянный крик:

– Атай⁸! Постой! – Это был Рустам. Салават неохотно остановился.

– Что, улым⁹?

– Атай, прошу тебя, не уходи!

– Рустам, ты же знаешь, что у нас творится...

– Атай, останься! Что я тут буду делать без тебя?

– Улым, ты уже не маленький, скоро восемнадцать.

– А что будет с сестрами? Мы же пропадем!

– У вас есть мать...

⁷ В исламе – троекратное объявление развода, произносимое мужем в знак разрыва брачных отношений.

⁸ Атай – отец (башк.).

⁹ Улым – сын (башк.).

– Что она нам даст? У нас дома ты главный!..

– Хотя и ухажу, вас не брошу! Буду помогать...

– Отец, не получится так... Прощу тебя, не уходи! Не дай нам пропасть! Мне в этом году школу заканчивать, куда я поступлю без тебя?

Салават не смог отказать умоляющему сыну, дорогому первенцу – вернулся домой. Пил беспробудно и пел тоскливо до тех пор, пока не почувствовал, что ему совсем худо. Сил не осталось ни капли. Да и настроение – хуже некуда: он чувствовал себя распоследним негодяем перед Зульфией, Лилией, детьми и целым миром. Положение свое виделось Салавату беспросветным, а любовный треугольник превратился в безвыходный лабиринт. Что же делать? Он понимал, что после последних событий их жизнь никогда не будет прежней...

Салават с трудом встал, умылся, налил водки.

– Опять пьешь?.. – задала вопрос Лилия.

– Что ж мне еще делать?..

– Значит, все симптомы совпадают...

– Какие еще симптомы? – он равнодушно взглянул на жену.

– Привороженный человек резко остывает к жене и как шальной бегаёт за любовницей. А также усиливается тяга к спиртному.

Салават задумался. Лилия была права, он начал выпивать чаще и больше.

– Да пойми ты, наконец: твои выкрутасы – никакая не любовь, а всего лишь действие ворожбы. Не обманывайся, не дай разрушить нашу семью! Давай сходим к ясновидице Назире, пусть излечит тебя, избавит от действия приворота!

– Никуда не пойду... – продолжал отнекиваться.

– Умоляю тебя, сходим к ней! Нельзя упускать единственный шанс для сохранения семьи! Если нет на тебе приворота, а любовь, как ты думаешь, настоящая, то ясновидица это увидит. Как сердце велит, так и поступишь. Захочешь – уйдешь к Зульфии...

Мечущемуся меж двух огней Салавату эти слова понравились. Надежда на то, что Лилия с Зульфией уживутся, не оправдалась. Значит, рано или поздно, придется выбирать одну из них. Правда, сейчас он совсем не желает оставаться с Лилией. То, что она избила Зульфию да еще посмела поднять руку, вернее ногу, обутую в остроносые сапоги, на него, никак не вмещалось в сознании Салавата. Где это видано, чтоб жена... Лишь бы люди не узнали о страшном позоре! Нельзя после всего этого жить с такой... Надо согласиться. Увидит гадалка, что нет никакого приворота, тогда уж не обессудь, прощай, старая и постылая жена!

Хоть и принял решение, закралась в душу тревога, и сложились стихи:

Я тебя предупреждал –

Любовь моя – огневой вал,

Любовь моя – цунами.

Вот идет девятый вал...

Что будет с нами?

Что будет с нами?..

Почему-то пришла в голову мысль: в сохранности ли мольберт, холсты, краски?.. Торопливо вытащил столь дорогие сердцу принадлежности из кладовки. Любовно, и в то же время виновато оглядев, тщательно протер пыль со своих сокровищ. Затем долго устанавливал мольберт возле окна, закрепил готовый холст, разложил по местам палитру, краски, кисти, мастихины, штапели. Открыл баночку со скипидаром и по комнате разлился такой знакомый, приятный для него за-

пах. Приготовив краски, взял в дрожащую от волнения руку кисть и устоялся на белый холст. Странно, но сколько бы ни пытался, не смог коснуться кистью холста.

Лилия вывела его из оцепенения:

– Салават, раньше я не рассказывала тебе о тайне нашего рода по материнской линии... Поведаю о горькой судьбе моего деда Кинзягула. Эту историю знают лишь мама, Асма-апай, Бибинур-апай и я. Боимся, что огласка ещё страшнее отразится на судьбе нашего рода...

В гражданскую войну дед Кинзягул сражался в рядах башкирского войска. Получив известие о болезни отца, попросил командира эскадрона, хорунжия Габдельмулюка отпустить его на несколько дней домой. Хорунжий был сородичем деда, жителем соседнего аула, потому и разрешил ему съездить на побывку. Вдобавок, Габдельмулюк через него послал письмо своей жене.

Дед Кинзягул, конечно, вначале доехал до дома, проведал отца. Спустя несколько дней отправился в аул хорунжия. Заодно собирался привезти оттуда невесту, с которой были помолвлены еще до войны.

Добравшись до места, решил сразу исполнить просьбу командира и передать письмо. Вошел в дом Габдельмулюка, увидел молодую жену командира и... остолбенел, никак не мог отвести от нее глаз. Жена хорунжия Гульюзум была неописуемо красива: лицо светилось как полная луна, брови – черны как крылья ласточки, глаза – темны как ночь... Он с первого взгляда влюбился, потерял голову и, не только не забрав, даже не повидав нареченную, возвратился домой.

С этого дня он уже не помышлял о подвигах и славе, мечтал лишь о красавице Гульюзум, которая неотступно стояла перед его мысленным взором. На войну не поехал, остался дома. А вскоре пришла весть о гибели Габдельмулюка. Через несколько месяцев застал к овдовевшей Гульюзум сватов. Но она отправила их восвояси. Спустя неделю сам поехал к Гульюзум. Но вдова категорически отказалась от его предложения.

Ослепленный страстью, Кинзягул уже ничего и никого не хотел кроме желанной, твердо решил во что бы то ни стало добиться ее. С этой целью купил у колдуна приворотное зелье и хитростью опоил любимую. И Гульюзум не смогла больше противостоять его напору, дала согласие.

Молодожены зажили хорошо. Появилась на свет наша мама. Затем, один за другим, родились еще трое детей.

Вот только Гульюзум начала вянуть как цветок после заморозков. Пошла к мулле и целителю, а хазрат¹⁰ ей с порога: «Муж приворотом заполучил тебя, вот и хворает. Тяжела твоя болезнь, но, если скажешь, могу вернуть колдовство к нему обратно». Она ответила: «Возвратишь – муж помрет. Коли я умру и он скончается – что будет с детьми? Нет, раз так, лучше помирить мне, хворой», – и ушла в слезах домой.

Мама наша рассказывала, как она пришла домой и с плачем высказала мужу: «Всегда удивлялась, как же согласилась выйти за тебя? Я же тебя нисколечко не любила! А ты меня, оказывается, приворожил... Из-за твоего колдовства – помру скоро». Он тоже горько заплакал: «Ну, не мог я жить без тебя!» Она, рыдая, упрекала: «Что же ты натворил?.. Кабы не приворот, в жизни б за тебя не пошла. Не родились бы дети, которые останутся без матери...»

И правда, бабушка Гульюзум, не дожив и до сорока, ушла из жизни, крепко стиснув к груди фотокарточку первого мужа, бравого казачьего офицера с саблей на поясе Габдельмулюка. А дед наш Кинзягул остался с четырьмя детьми мал мала меньше.

¹⁰ Хазрат – религиозный статус в исламе.

Скоро началась Великая Отечественная война. Деда забрали с первым же набормом. Понимаем, что дети могут остаться круглыми сиротами, ушел на фронт с тяжелым сердцем. После войны дошла скорбная весть – он попал в плен и умер в концлагере. – Лилия тяжело вздохнула и продолжила. – Наша мать, ей тогда не было и шестнадцати, не отдала сестер и братишку в детдом, вырастила сама. Младшенькая Хадия умерла, остальные выжили. Мама иногда плачет, вспоминая трудные военные годы. Ведь ее братишке Фарукше с восьми лет пришлось работать в колхозе.

Неправедная женитьба деда Кинзягулана на бабушке Гульюзум оказала губительное влияние на весь наш род. Оба они умерли, дети осиротели. Воздействие колдовства на этом не завершилось, оно коснулось вороньим крылом судеб их детей, внуков и правнуков.

Взять хотя бы жизнь дяди Фарукши: женился на дочери известной в ауле колдуньи. Однажды она, собрав в охапку свой выводок, убежала от него. Он всю жизнь промышкался без семьи в Казахстане. Лишь на старости лет вернулся на родину и умер, так и не изведав счастья. Подросшие сыновья его сгорели от пьянства, даже не женившись.

Судьба сестры мамы, тети Асмы, тоже заставляет задуматься: промучившись с буйным мужем сорок лет, развелась, когда стало совсем невмоготу. Ей довелось пережить потерю не только детей, но и внука...

Просторные сосновые дома дяди Фарукши и тети Асмы, где когда-то звенели детские голоса, десятки лет простояли пустыми, сгнили и развалились. Их никто не купил, люди боялись повторить их судьбы.

Как подумаю о родных братьях и сестрах, душа болит: кому из них досталась благополучная доля?.. Ни одному не повезло с семьей. Сестра Бибинур от нелегкой жизни с мужем – пропойцей – не вылезает из больниц. Самая тяжкая участь выпала нашему старшему брату Мурзагулу. Старики говаривали, он так похож на деда Кинзягула, будто из одной плахи вытесаны. Жена – шлюха через полгода после замужества убежала от него с каким-то мужиком. Он больше не женился. Ушел в мир иной, измучившись от раковой опухоли и одиночества...

Вот так, – завершила рассказ Лилия. – Сколько несчастий обрушилось на наш род из-за приворота деда Кинзягула, скольких он лишил семейного счастья! До этих пор я радовалась, что из всей родни мне одной повезло в семейной жизни. Рано радовалась – и до меня доползла тень греха деда – напоролась на приворот Зульфийи...

(Продолжение следует)